

ЛЕГКО ОБЪЯСНИТЬ, чем отличается Андрей Платонов от любого другого писателя. В каждом обществе, говорит Толстой в XVI главе трактата об искусстве, всегда существует высшее на данное время понимание смысла жизни. Это понимание всегда ясно выражено некоторыми людьми этого общества и более или менее живо чувствуется всеми. Если нам кажется, что такого понимания нет, то это не потому, что его нет, а потому, что мы живём жизнью, противоположной этому пониманию. В "Чевенгуре" лесничий говорит сыну, что решающие жизнь истины существуют тайно в дешёвых книгах самых последних, нечитаемых и забытых сочинителей. После революции 1905 года появилась возможность и был издан Чаадаев, запрещённые ранее тексты Толстого и "Записки" Гагарина (Николая Фёдоров) тиражом 480 экз., "не для продажи". И Платонов был единственным, кто их прочитал. Ведь что такое "Чевенгур"? Это беседы Платонова с Чаадаевым, Толстым и Гагариным о коммунизме.

Всё началось с Чаадаева. Тот был убеждён в победе социализма. Потому что его противники — неправы. Но не это было главное. В первом из написанных им философических писем (когда его читал Платонов, оно было третьим, сейчас оно считается седьмым) он приходит к убеждению, что когда-нибудь наступит момент и человеческий разум "вынужден будет при всяком своём действии как бы потрясать всю бесконечную цепь человеческих мыслей на протяжении всех веков". У молодого героя "Чевенгура" это никак не получается, он идёт за одной мыслью, потом встречает другую, следует за ней, бросив первую, потом поднимается над обеими и находит новое воодушевление — и никогда не возвращается домой: не может "на верхних слоях своих размышлений вспомнить, с чего начал, что подстилает снизу его теперешнюю мысль". Вот и Толстой пишет: "Во время процесса — иногда... болезненного прохождения через меня мыслей — я не успеваю их усвоить..." А также: "Этому делу никогда не бывает конца... дело такой огромной

моя этой встречи она сказала: "Никто не знает, какой у "Чевенгура" текст". Сейчас, когда опубликован большой массив текстов "Чевенгура", стало понятно, почему и как жена Платонова скопировала именно такой текст (изданный дочерью в 1988 году и считающийся текстом "Чевенгура"). Не вдаваясь в детали, могу сказать лишь следующее: она существенно изменила сюжет, у неё были личные мотивы. Почти не связанные с проблемой коммунизма. И оправдать её. Процесс создания "Чевенгура" описан в самом тексте: "Она любила, чтобы Саша рисовал, а она указывала, что плохо, а что нет". И "как надо рисовать лучше".

Считается, что Толстой писал романы, Чехов — рассказы как романы, а Платонов — предложения как романы. И всё это неправда. "Чевенгур": "Карл Маркс глядел со стен, как чуждый саваоф". Это примерно десятая часть предложения. И это — роман. С очень сложным сюжетом, и в котором Толстой и Гагарин, гуляя по Арбату, обсуждают Маркса и марксизм. "Чуждый", — заключает Толстой, "саваоф, — дополняет Гагарин, — и с маленькой буквы". В том же предложении: "...ни в книгах, ни в сказках, нигде коммунизм не был записан понятной песней". Это другой роман, и его должен написать Платонов ("его дело один коммунизм"). В том же предложении — плакаты, на них "поезда с ситцем и сукном, едущие в кооперативные деревни" — ещё один роман, жуткий (в котором "с ветром промчался воробей и сел на плетень, воскликнув от ужаса").

Корреспондент "Правды" Виктор Шкловский летел на самолёте Авиакма "Лидом к деревне". У "Юнкерса" отказал мотор, и они приземлились на картофельное поле, оказавшись среди мелиораторов. Губернский мелиоратор Платонов разъярил Шкловскому, что перепутал мобиле — не фантазмагория, не утопия, не химера, а реальность. На принципе вечного движения основано всё: и бег времени, и бег Земли вокруг Солнца, и бег Вселенной. Шкловский испугался. Он прицелил себя к большевикам из страха оказаться позади всех, но и это не помогло. Он боялся, что ест люди лучше него.

Платонов объяснил Шкловскому, что первый и второй законы Ньютона сформулированы Галилеем за 30 лет до рождения Ньютона. Третий закон опубликован Декартом, когда Ньютоном был один год, но Декарт считался безбожником. Вклад Ньютона был тот, что он объявил их, в полном соответствии со своим девизом "Hypotheses non fingo" ("Гипотез не измышляю"), законами, по которым бог создал мир. К тому же Англия уже правила миром, и поэтому было логично, что все законы должны быть открыты англичанами. О фундаментальности и говорить нечего. Можно считать, что уравнивания движения, как у Аристотеля (а не как у Галилея), и будут другие законы трения. И с тем же успехом с нужной точностью рассчитывать все те процессы, которые наука рассчитывает сейчас. Физику Ньютона Гагарин называл спиритуалистическим догматизмом: не законы, а временные договорённости, замена Птолемея на Коперника

Не труд-творчество, а песни о труде. Конечно, и такой образ действительности, как слово, есть часть действительности, но это поверхность действительности, образ — всегда поверхностная идея". "Вот и Толстой говорит, что будущее искусство не будет продолжением нынешнего", — подумал Шкловский.

ИЗВЕСТНЫЙ ФИЗИК Ю.А. Трутнев, один из изобретателей термоядерного заряда, рассказывая об атомном проекте, говорит: "Зельдович и Сахаров все непонятные вопросы задавали Дмитриеву, и он — решал". В 1954-м во время чтения лекций по физическим основам термоядерных бомб для руководителей КБ-11 ("Армамас-16") во главе с Ю.Б. Харитоновым (тот слушал внимательно, записывал лекции в большую тетрадку) Дмитриеву казалось, что академики быстрее всех понимают то, что им объясняешь. Но довольно быстро выяснилось, что это не так. Они олицетворяли собой средний уровень, на котором всё понятно. Например, имеются электромагнитные колебания, но нет того, что колеблется. Это непонятно Власову и Дмитриеву, это непонятно любому школьнику (им внушают принципиальную непонятность науки), но понятно академику Ландау. Дмитриев: "Наука больная, смертельно больная" (у Платонова: учёный "...знает кусок действительности, обрубленный так, чтобы было покойно жить"). В публикации "К 75-летию атомной отрасли" академика Р.И. Ильхаева ("Успехи физических наук", № 5, 2022 г.) фамилия Н.А. Дмитриева даже не упомянута, и там много

вопросов не будет решён, пока не сформулирована цель.

В день открытия Губернского мелиоративного совещания (18.07.1925) воронежские мелиораторы подписывают Платонову адрес: "За весь этот киплящий период, сопровождавшийся трёпотом нервов и сил, не было ни одного момента, могущего породить укоры по вашему адресу. Ваш дружеский, умелый, тактично-административный подход как к нам, так и к мелиоративному делу спаял нас и укрепил дело мелиорации в нашей губернии".

Толстой говорил, что Герцен — половина русской литературы. Платонов заключает: "Мы убеждены из фактов, что в русской истории всегда была небольшая группа интеллигенции, которую народ мог бы назвать своей".

В СТАТЬЕ О ПУШКИНЕ Платонов пишет: "...он считал, что краткая, обобщающая человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслымыи дел и для полного наслаждения всеми страстями". Эти слова часто цитируют: "Платонов считал..." Пушкин считал. А Платонов так считал и так не считал. А в "Чевенгуре" Софья Владимировна (прототип — Мария Александровна Платонова) говорит: "Я верю, что мир глуже и сокреннее, чтобы его сразу можно весь достать человеческой наукой, и я думаю, что знание есть просто особое чувство человека, а не какая-то демоническая всемогущая сила над Вселенной, как иногда кажется "богатому" воображению". Записная книжка Платонова, 1942 (!) г.: "...свободные электроны тоже связаны, но связаны не

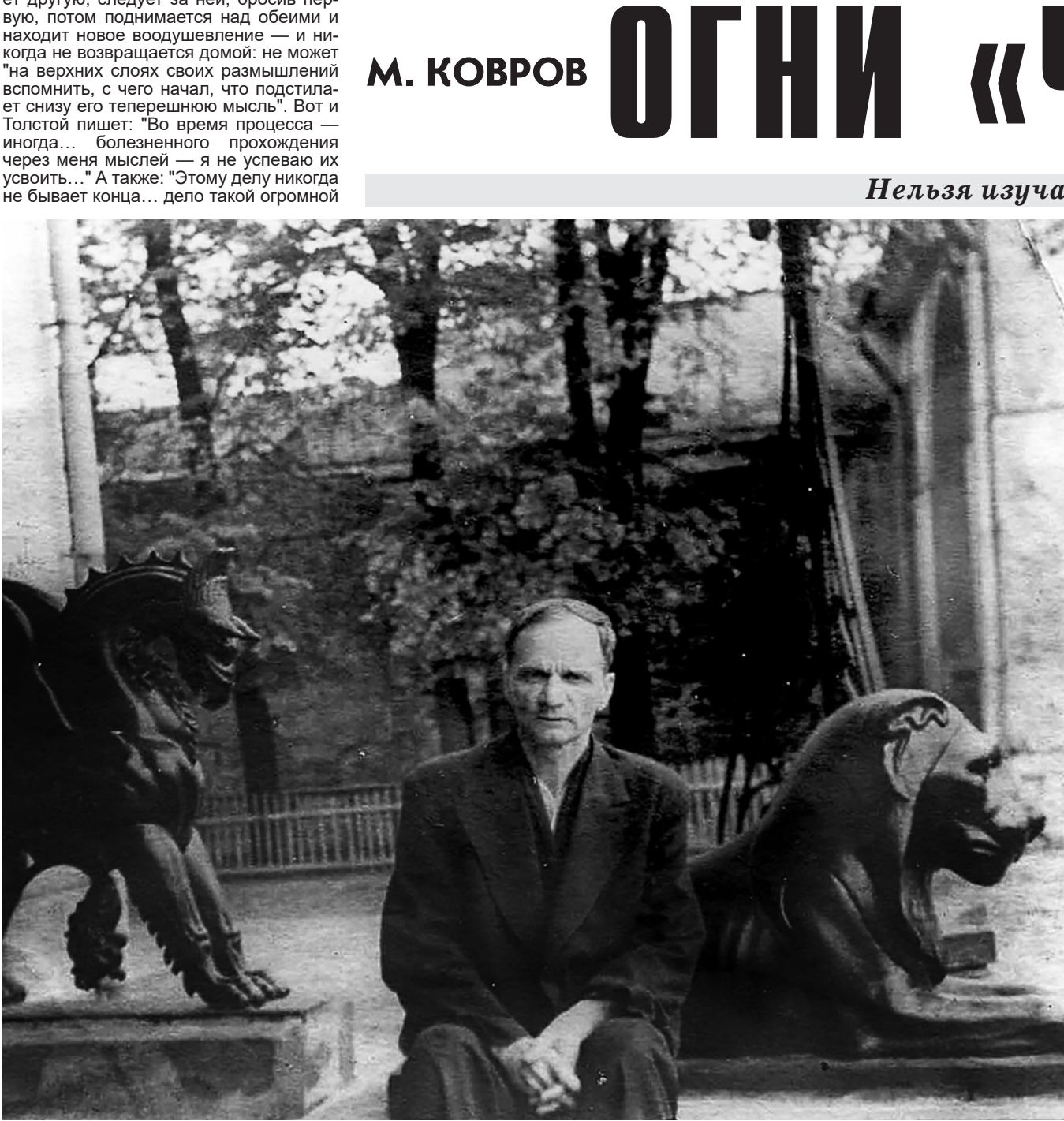
Про трактат Толстого Сокоурову сказали, что это тенденциозная статья, с исследованием Гагарина он незнаком, а если бы и прочитал, то ничего бы не понял, потому что живёт в чужой системе координат. И он по образованию историк, и как историк больше всего ценит исторические исследования Солженицына, основанные на материалах, хранящихся в самом ЦРУ, за которые тот получил Нобелевскую премию и ему поставили памятник. И за то, что тот, как и его учитель Козьма Прутков, жил не по лжи. Руководитель Александринского театра Фокин считает Чехова циником, именно поэтому он и стал художественным руководителем. Ставит, как и Сокоуров, в угуд застольным классам. Станиславский говорил о Чехове: "Я не встречал более жизнерадостного человека".

О ДНАЖДЫ мне позвонила Мария Андреевна Платонова и пригласила на "Чевенгур". Спектакль задерживался, режиссёр Лев Додин ходил по фойе и всем объяснял, что в Москве всегда возникает технические проблемы (в действительности же он ждал приезда Чубайса). Мы болтали, и Мария Андреевна рассказывала, что её всё приглашают в Воронеж, а она не может туда поехать: все, что её приглашал — градоначальники (жители платоновского города Градова). Она так и говорила: воронежцы — это градоначальники, я туда не поеду. Я пытался её разузнать, приводил другие примеры, и, поняв, что всё бесполезно, перевёл разговор на Додина, что Додин ставит Достоевского. Она сказала, что не может читать Достоевского: сразу начинает плакать. Платонов говорил о Достоевском, что тот "впал в мучительное заблуждение и предельно надавил на жалобность", и поэтому я вернулся к Додину и сказал, что это единственный режиссёр, которому я написал письмо (и получил вежливый ответ): посмотрев его "Братья и сёстры", я просил его убрать сцену с детьми, которые жадно набрасываются на хлеб (в опубликованной статье я хвалил спектакль и ничего не писал про сцену с детьми). Странно, но в следующем спектакле Додина актёры жадно набрасывались и ели куски сырого мяса, которые прямо с мясорубки привозили в театр. Но тут приехал Чубайс, и действие началось с задержкой в час. Актёры не понимали смысла произносимого текста, и, чтобы сбить зрителя с толку, режиссёр заставил актёров-мужчин во главе с Лавровым (Яковом Титычем) ходить по сцене нагишом и плавать в ванночке, а один из них (актёр Олег Дмитриев) ел живую трепыхающуюся рыбу. Это было для неё так неожиданно: градоначальники оказались ещё и пенningрадцы. За что жюри фестиваля "Золотая маска" по предложению Эдуарда Боякова присудило Додину главный приз за режиссуру, а Чубайс сразу после спектакля выписал финансирование Додину по своей формуле.

Додин ставил Платонова как Достоевского, и как-то само собой получилось, что человек стремится к уничтожению других и самоуничтожению. Западный зритель воспринимает эти качества как свойственные именно русским, что повышает рыночную стоимость театра и режиссёра. Гагарин о Достоевском: "...несомненно доказал свою иностранность", "сердце его всецело принадлежало Западу". Именно о Достоевском говорит Платонов как о писателе, у которого образы господина и простоплодина построены по одному и тому же принципу. И поэтому "бей же, уничтожай этого смешного негодяя, опоганившего землю!" — другого вывода из главных текстов Достоевского Платонов не видит. Публичное насилие над актёрами стало нормой в театре Додина. Чехова они должны играть голыми, в совершенной подробности, желательно плавая в ванночке, потому что в воде родилась жизнь. В "Чевенгуре": "Сама жизнь другого человека есть уже дар и интерес... потому что каждый человек — иной... и равняется открытию неизвестной единственной страны. Но нельзя изучать и удивляться, не любуясь". И далее: "Он знал одно, что в нём ничто не движется, если сначала чувственно или сердечен не очаруется". Именно так и описаны все герои "Чевенгура", включая "отрицательных". Но тогда театр Додина не получил бы названия "Театр Европы", премия Березовского "Триумф", а сам Додин — звание "лучший еврей" (и он его принял). Они плавали на бульваре Ленина в Бобинь (департамент 93, побратим Серпухова) "по просьбе" баскетболиста Прохорова, тому нужно было poprawить свой имидж во Франции. У нас эти гастроли приравнялись к знаменитым гастролям МХАТа в Париже, хотя и сложно представить себе Хмельова и Тарасова, плавающими нагишом в "Анне Карениной", и Станиславского, принимающего из рук "Союза русского народа" звание "лучший русский".

Самое известное пособие по изготовлению подделок под искусство написано Аристотелем — "Поэтика". В главе 6 там сказано, что сюжет составляет цель произведения, а цель важнее всего. Чехов вслед за Островским повторяет: "Никаких сюжетов не нужно". В главе 9 читаем, почему придерживаются имён, взятых из прошлого: "Причина этого та, что вероятно только возможное, а в возможность того, что не случилось, мы ещё не верим, но что случилось, то, очевидно, возможно, так как оно не случилось бы, если бы было невозможным". Поэтому Платонов по легкомысленности заменил первую букву у чеховского "Иванова" (фамилия главного героя "Чевенгура" — Дванов), Сарру заменил на Розу Люксембург, вместо единственного отрицательного персонажа в чеховской драматургии доктора Львова — в "Чевенгуре" Бог ("Человек считал себя богом и всё знал"), а героиню назвал Софьей Александровной (имя жены Толстого и отчество своей Марии). В чеховских "Трёх сёстрах" Ирина говорит: "Я не любила ни разу в жизни", в "Чевенгуре" Софья Александровна: "Я никого никогда не люблюю". Сюжет "Чевенгура" — история любви Дванова и Софьи Александровны, мы об этом здесь не говорили, потому что сосредоточились на коммунизме. В издании в 1988 году "Чевенгуре" этой истории нет, и оказалось, что это неважно, а "Чевенгур" — от англ. chevu — крик охотника при парфорсной охоте на лисиц. И если у Платонова песня называется "Дураки на периферии", это точно значит, что дураков в песне нет. А коммунизм Платонова описан им в "Чевенгуре" двумя фразами: "...все старики — загадочные люди, у них умерли матери, а они живут и не плачут", и "звёзды не понимали, как можно обольщаться одной женщиной, сиюстью и даже революционным счастьем всех, когда существуют они, одарённые лучшим достоинством". И теперь всё понятно и у всех на душе тихо.

На фото: русский советский писатель Андрей Платонов в московском санатории. 1948 г.

важности и новизны, а силы... так слабы и несоответственны значительности предмета".

Не понимая, что с этим делать, Платонов принимает кардинальное решение: он вводит старика (Яков Титыч, как бы "отец" Чаадаева), "который, оказываясь, знал всё, о чём другие лишь думали или даже не сумели подумать" ("откуда у него появилось это полное знание, сам Яков Титыч не знает").

Г.З. Литвин-Молотов говорил Платонову: "Уберите этого старика, нужно вам только для облегчения". Платонов знал Литвина с 20 лет: он был автором романа "Мы живём под солнцем голубого мая", опубликованного в газете "Красная деревня" в день первого Всероссийского коммунистического субботника и исполненного в концерте главным редактором газеты Литвиным-Молотовым. Платонов не последовал его совету. Ни один из них — Чаадаев, Толстой, Гагарин — не был ничьим учеником, каждый высвечивал другие наборы фактов и менял представление о добре и зле.

В том же письме Чаадаева: "Но возникает вопрос, сможет ли когда-либо человек на месте того совсем личного, совсем обособленного сознания, которое он в себе находит теперь, приобрести такое общее сознание, которое заставило бы его постоянно чувствовать себя частью великого нравственного целого?" И сам же отвечает: "Да, без сомнения". И далее: "Подумайте только, наряду с чувством нашей отдельной личности мы носим в сердце чувство связи с родиной, с семьёй, с единомышленниками по разделяемым нами убеждениям; чувство это иногда даже более живо, нежели другое; подумайте только, зародыш высшего сознания, несомненно, в нас пребывает, он составляет даже самую сущность нашей природы: теперешнее "я" вовсе не вложено в нас каким-то непреложным законом, мы сами внесли его в свою душу; и тогда станет ясно, что всё назначение человека состоит в разрушении своего отдельного существования и в замене его существованием совершенно социальным, или безличным". В "Чевенгуре": "Его мучила загадка: может ли будущее коммунистическое общество взять у человека самую последнюю и самую драгоценную его неприкосновенность или нет" — и через сто страниц: "...когда-то на него от Сони исходила теплота жизни, и он мог бы заключить себя до смерти в тесноту одного человека, и лишь теперь понимал ту свою несбыточную страшную жизнь, в которой он остался бы навсегда, как в обвалившемся доме". Герои "Чевенгура" относились к чтению серьёзно "и думали сверх того, что написано в книге, думали глуже книги".

Я познакомился с Марией Андреевной Платоновой в 1999 году, и во вре-

ПЛАТОНОВ УЧИЛСЯ в университете. Среди каких-то добрых и красивых людей, на отделении физики и математики. И среди чистой глубоко теоретической науки. Он узнал, что количество точек внутри куба или квадрата такое же, как и количество точек, расположенных на одной только его стороне, и ставился вопрос, есть ли множество точек, которое было бы больше, чем число точек натурального ряда (1, 2... n...). и меньшим, чем количество точек на прямой. Эта проблема называлась первой проблемой Гильберта. Платонов удивлялся, как можно неизмеримым (точка) измерить измеримое (прямая). А они измеряли. И были даже проблемы в таких измерениях.

И ещё: единственный опыт (Галилея) обобщался без достаточных к тому оснований, а потом и на всю природу (теория тяготения). Ни характер и погрешности измерений, ни методы обработки экспериментальных данных ни тогда, ни сегодня не дают оснований для таких обобщений. И тем более — распространять эти договорённости на газы и жидкости. И он увидел, как затухает, меркнет утомлённая ещё в предках, в тысячелетиях жизнь. Чистая глубоко теоретическая наука оказалась посредственной вещью.

И Платонов переводится на историко-филологический факультет. Что же касается проблемы Гильберта, то работы сначала Курта Гёделя, а потом Пола Козла, якобы решившего проблему в 1963-м, показали, как и считал Платонов, что она является следствием аксиоматики и можно считать, что промежуточной мощности нет, или что она есть, или что их очень много разных — сколько хочешь. "Ненужное мозговое раздражение". Проблемы глубоко теоретической физики могут возникнуть оттого, что через две точки можно провести только одну прямую, и поэтому статью Платонова на эту тему ("Воронежская коммуна", № 13, 1921 г.) не включили в выходящее в ИМЛИ полное собрание сочинений, установив (диссертация), что ранний период творчества Платонова не представляет "общественного интереса". Платонов считал его самым важным, главным.

Мы не будем касаться здесь проблем историко-филологического образования (Платонов: "Крпалёная колода карт"), они подробно изложены в трактате Толстого. Платонов решил не разбазаривать своих сил и переходит в железнодорожный политехникум, становится электротехником (одновременно участвуя в гражданском войне, в железнодорожных войсках) и все силы отдаёт "мучительно срочному делу" — мелиорации, гидрофикации, где настоящая наука всегда присутствует, при этом стараясь помнить, что "добыча хлеба, сельское хозяйство недолго останется главной целью людей".

ка — замена одного суеверия другим, их представления реальные только как психические состояния. Ньютону пришлось симулировать сумасшествие, когда он обнаружил, что не понимает текстов вышедших под его именем. Инквизиция объясняла Галилею, что Земля неподвижна, а Солнце движется. Эти истины представлялись несовместимыми. Сейчас мы знаем, что Галилей был не более прав, чем инквизиция, и поэтому разумнее в будущем пользоваться Птолемеями координатами, погрешности наблюдений будут меньше (координаты Земли будут точно равны нулю).

У Гагарина: "Храм есть изображение мира по птолемеескому мировоззрению, и пока господствовало птолемееское мировоззрение, до тех пор между знанием и искусством не было противоречия; когда же мировоззрение птолемееское заменилось коперниканским, тогда явилось противоречие между знанием и искусством, ибо искусство остаётся птолемееским, а знание делается коперниканским".

"Уже Чаадаев пытался, — объяснял мелиоратор, — раскрыть не то, что содержится в философии, а то, чего в ней нет. И Гагарин решил эту проблему. Он установил, что в основание философии положены симулякры "объективности", "субъективности". В то время как всякая идея, предмет — не объективны и не субъективны, они проективны. Ведь объективные условия субъективны, а совсем не объективны! Детерминизм (безусловная, роковая, неустраняемая причинность) и индетерминизм (беспричинность) им упрямлены. Представления о причинности меняются, и они вряд ли будут упорядочены, потому что невозможно определить понятие закономерности, представление о которой также будет меняться в зависимости от формулировки цели (возможно, неясной) или её отсутствия. Понятие закономерности включает в себя формулировку цели в качестве обязательного элемента. Или обязательность постулируется, и тогда будущее так же непредсказуемо, как и прошлое. Наука не может быть знанием причин без знания цели. Это, пожалуй, самое трудное место. Особенно для учёного". ("Записка" написана для учёных и неучёных.)

"Если в науке до сих пор всё же были отдельные учёные, — заключил мелиоратор, не сказав какие, — то в искусстве всё значительно хуже. Строго и до конца говоря, вся промышленность, всё хозяйство, начиная со старинных времён, держалась на непрерывной, незаметной изобретательности. Одна мысль: делать железнодорожные рельсы и колёса гладкими, а не как шестерёнки в часах, — дала больше, чем все так называемая фундаментальная наука. Существующее искусство всё-таки работа ложная. Организация символов, призраков материи,

портретов академиков, не имеющих никакого отношения к атомному проекту.

Ко мне обратился Ю.П. Бабаков, известный в своей среде учёный. Ему нужно было в очередной раз пробить финансирование. Например, увеличить КПД установки на 10%. Но умер его руководитель академик Б.П. Жуков, и теперь этого уже недостаточно. И он попросил меня посмотреть на проблему свежим взглядом непричастного человека. Познакомившись с материалами, я задал ему простой вопрос: "В вашей установке используется твёрдое ракетное топливо. Почему? Вы же нигде не летите. Если бы вы использовали ту же рецептуру при другом соотношении горючего и окислителя, КПД установки увеличился бы в три раза (хотя как ракетное топливо оно было бы плохим)". И подробно объяснил ему, в чём тут дело. Он вроде бы понял, но поверить в это было невозможно. Научные руководители работы — академики Жуков, Велихов и Шейндлин, и получается, что они не знают основ термодинамики. "И мы все получили за неё Государственную премию!" И вес установки (её предполагалось использовать на кораблях) уменьшался в 10 раз — потому что появлялась возможность использовать другую электрическую схему. Бабаков тайно от меня срочно заключил договор на расчёт параметров установки при изменённой рецептуре: с ТРИНИТИ (вотчина Велихова) и независимо — с ИВТ АН (вотчина Шейндлина). По их расчётам КПД увеличился в три раза. Финансирование было пробито. Новый руководитель попросил, чтобы на Всероссийской конференции в Черногловке "Энергетические конденсированные системы" с докладом "Разработка первичных малогабаритных импульсных автономных источников электроэнергии" выступал не я, а Бабаков: если изложить всё как есть, могли их и уволить, установка эксплуатировалась десятки лет. Я не поехал, чтобы не смущать докладчика. Он сказал, что увеличение КПД стало результатом комплексной оптимизации благодаря использованию возможностей современных ЭВМ. Приведённый пример, может быть, позволит понять, что значат слова Платонова об академниках и слова Гагарина в первой части его "Записки": выделение учёных в сословие, к чему все так привыкли, — "большее бедствие, чем распадение на бедных и богатых". Никому и в голову не приходило!..

Когда Харитон консультировался у известного математика Колмогорова по поводу использования ЭВМ, тот отвечал: "А зачем вам ЭВМ, когда у вас есть Дмитриев? Существует лишь тонкий слой между "тривиальными" и недоступными. Прикладная задача в большинстве случаев или решается тривиально, или вообще не решается. А тут и уравнение, которые вы собираетесь решать на ЭВМ, не существует. Нужны не ЭВМ, а именно Дмитриев, и тут вы можете быть совершенно спокойны".

В 1960-м в Московской консерватории был вечер, его вёл Шкловский, он объявил: "Лев Давидович Ляндау". Он знал, как надо объявлять. Ляндау терпеть не мог никакой музыки. Особенно не любил скрипки. "Вот когда наконец он перепишет этот ящик!" Выступление Ляндау длилось 23 минуты. Оно было записано на магнитофон и впервые опубликовано в 2018 году. И там Ляндау сказал: "Те, которые не верят, — умирают, а молодёжь же — безразлично, и вот по этому принципу и победила теория относительности". В этот момент Шкловский понял, как он должен написать биографию Толстого. Как научные школы в физике, школы в организационном отношении. Толстой должен быть хуже него, жалок и не очень умён. И ещё: никогда, ни слова — о Платонове. Первый раз в жизни Шкловский не имел собственной оценки противоположного человека. В конце жизни, ему был 91, считался: Платонов — огромный писатель, путь к познанию России — трудный путь, он знал все камни и повороты этого пути, я ничего о нём не написал. Я написал биографию Толстого. В год столетия Платонова журналы "Вопросы литературы", "Новый мир", "Октябрь", "Знамя", "Москва" и т. д. не только ничего не написали о Платонове — его фамилия в течение года там не была даже упомянута.

Толстой о науке (в трактате): "Нам кажется, что наука только тогда наука, когда человек... переливается из стклняки в стклняку жидкости, разлагает спектр..." Наиболее же важная часть науки — "узнать, как должно и как не должно уредить совокупную жизнь людей: как уредить половые отношения, как воспитывать детей, как пользоваться землёй, как возделывать её без угнетения других людей, как относиться к инземцам, как относиться к животным..." Гагарин возражает ему: ни один из этих

с отдельными атомами, а с большими группами их, с системами". Вряд ли такая запись возможна без его знакомства с Власовым. Случайным. На Арбате, в деревушке — заведении для недостаточных категорий. Сюда приходили парами, а иногда и целыми дружными свадьбами. Бывали и несдержанные люди, они предавались здесь забвению своего несчастья. Через 20 лет деревушки уже назывались стекляшками, Власов изменил облик физики, её основание и сами представления о науке. Физика Власова "проективна" и изучает "возможности", а не "действительность". Только опираясь на Власова, Платонов мог в "Новом ковчеге" создать образ Эйнштейна и сюжет с американцами, появившимися в четвёртом действии после их гибели в третьем.

Академик Ляндау организовывал комсомольские собрания с требованием снять с должности Власова и запретить ему читать лекции (тот был завкафедрой в МГУ с 1944 по 1953 г.). И тем комсомольцам, которые были наиболее активными, в дальнейшем разрешили написать план кандидатской диссертации, и они учёным советом объявлялись, по указанию Ляндау, сразу докторами наук, а потом быстро становились академиками. "Нов ковчег" не поставлен до сих пор и не может быть поставлен: осмелившийся режиссёр никогда не будет приглашён за рубеж уже ни с какой пёсью.

Платонов: "...необходимо вникнуть во все посторонние души", он был исследователем и не берёг себя для тайного счастья, а сопротивление своей личности предполагал уничтожить событиями и обстоятельствами, чтобы по очереди могли войти в него неизвестные чувства других людей"; "...исследовать весь объём текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей", "...перемучиться на другое существование, которое запрещено законом природы и привычкой человека к самому себе" — это осмысление Платоновым трактата Толстого об искусстве. И это — МХАТ Станиславского, "система" которого и была развитием идей Толстого применительно к искусству театра. И она отличается от "петельных-крючочка" Малого театра, когда актёру нужно согласовывать свои действия с партнёрами. После Станиславского их нужно согласовывать не только с партнёрами и зрителями, но и с мёртвыми (по МХАТе — с Толстым и Чеховым, хотя насчёт Толстого это прямо не объявлялось, потому что Толстой был неприемлем ни для православия, ни для марксизма), и поэтому, ставя "Братьев Карамазовых", МХАТ уже не мог не учитывать мнения Толстого — "неподобающее отношение к важным предметам" и Чехова — "нескромно, много претензий", все эти "красота спасёт мир", "бога нет" — и всё позволено (точка зрения Чехова на последнюю проблему изложена им в письме Дягилеву от 30.12.1902). Когда во МХАТ пришёл Ефремов, стало не нужно согласовывать свои действия ни с Толстым, ни с Чеховым. Когда пришёл Бабаков, театр стал пошлым, а "система" запрещена.

Не Ленину, как это часто цитировалось, а Толстому принадлежит мысль, что в будущем театр будет выполнять функции церкви. Толстой: "Театр... сильнее школы, сильнее проповеди". Платонов о воронежском театре "Весёлый коморок": "Эти актёры сами полны торжественной жизнью, так что неталантливый они и быть не могут"; "главное, дети все поняли и смотрели и слушали всей полной проникновенной душой, так что в театре было детство и равенство, а не снисхождение до ребячества взрослых — "мудрых"; "удивительно, какая голова ещё может так по-детски, в высоком смысле, жить и мыслить", "едва ли он сам (театр, руководители его) сознаёт, какое дело, великое и величайшее, делает; тут не только искусство, а нечто более важное", "не перевести ли нам центры культуры на человеческую от 5 до 20 лет?" ("Воронежская коммуна", № 172, 1923).

Платонов написал девять пьес, и ни одна из них не была поставлена при его жизни. Теперь некоторые из его пьес увидели свет, и все они, как принято, поставлены в угуд застольным классам, а по "системе" при постановке любой пьесы актёр должен теперь согласовывать свои действия не только с Толстым и Чеховым, но и с Платоновым, то есть жить в их системе координат. Уже у Чехова, как и потом у Платонова, предполагалось, что у персонажа могут быть неизвестные автору чувства. Сокоуров: "Снимаю "Одинокий голос человека", я вообще не думал о Платонове, я не вспоминал о нём" (фильм снят по рассказу Платонова). Толстой считал "Фауста" подделкой под искусство, не связанной с чувством, а созданной по образцам, Гагарин же считал "Фауста" плохим искусством, передающим ничтожные чувства.